

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ ПАРОНИМЫ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются слова русского и немецкого языков, сходные по звучанию и форме, но различные по значению. Для обозначения данной группы лексем используется термин «межъязыковой пароним». На материале близкозвучных слов на *-изм / -ист* и *-ismus / -ist* обнаружены новые словообразовательные тенденции, общие для двух разносистемных языков, и выявлены отличия языковых картин мира русского и немецкого языков.

Во взаимодействии современных языков отчетливо проявляется тенденция к интернационализации лексики. Процессы интернационализации достигли на современном этапе такого уровня, при котором интернационализируется не только словарный состав разных языков, но и способы объединения морфем в цельнооформленное слово.

В словарном составе русского и немецкого языков достаточно много слов, имеющих иноязычную основу (чаще греческого или латинского происхождения) и оформленных суффиксами *-изм / -ист* и *-ismus / -ist*. Однако, несмотря на внешнее сходство, указанные слова не всегда совпадают в лексическом значении. Так, например, в двоичной группировке *протекционизм – Protektionismus* заимствования совпадают в значении «экономическая политика государства, имеющая целью оградить национальное хозяйство от иностранной конкуренции путем введения высоких пошлин на ввозимые в страну товары, ограничения или запрещения ввоза определенных товаров и т. п.». При этом русское слово имеет значение, которого нет у близкозвучной лексики в немецком языке, а именно: «подбор людей на службу не по деловым качествам, а по знакомству, по *протекции*» [7].

Для обозначения слов двух языков, сходных по звучанию и форме, но различных по значению, в лингвистике используется целый ряд терминов: «межъязыковые омонимы» [8], «междуязычные аналогизмы», «ложные друзья переводчика» [4] и т. п.

Термин «межъязыковые омонимы» является не совсем точным, поскольку у подобных соответствий нет важнейшего признака омонимии – полной однозвучности. Термин «междуязычные аналогизмы» не отражает сути исследуемого явления, так как является

очень широким и неопределенным по содержанию. Определение «ложные друзья переводчика» не может рассматриваться как термин, поскольку слишком метафорично, хотя данное определение и получило широкое применение в теории и практике перевода.

Для обозначения слов неродственных языков, сходных по звучанию и форме, но различных по значению, наиболее распространенным в немецком языкознании является обозначение «*faux amis*» или калька с французского «*falsche Freunde des Übersetzers*», а также «*irreführende Fremdwörter*» и др. [16].

Основная причина таких расхождений в терминологии кроется в слишком широком толковании, которое дается данной группе слов, поэтому необходимо внести дополнения, уточнения в определение указанных лексических единиц.

Следует отметить, что наибольший интерес в лингвистическом аспекте представляют слова двух языков, в нашей работе русского и немецкого, сходные по звучанию и форме, но различные по значению, которые имеют общий этимон и чьи этимологические связи не стерлись на современном этапе, относятся к одной части речи (род и число исключаются). Что касается ударения, то оно может быть различным, так как здесь оказывают влияние артикуляционные особенности обоих языков. Поскольку данное определение перекликается с определением Ю.А. Бельчикова, М.С. Панюшевой [2] и О.В. Вишняковой [3] (за исключением постоянного ударения), которое они дают внутриязыковым паронимам, то в данной статье подобную лексику предлагается обозначить как межъязыковые паронимы. Следует отметить, что термин «межъязыковая паронимия» еще не был апробирован на базе близкозвучных слов неродственных языков.

Рассмотрение межъязыковых паронимов в двучленных группировках, состоящих из одной лексической единицы русского языка и одной лексической единицы немецкого языка, является наиболее приемлемым, так как смешение подобной лексики под влиянием междязычной интерференции происходит, как правило, на уровне одной лексической единицы, а не двух: из-за созвучности слова изучаемого языка со сходной лексической единицей родного языка, из-за общей логико-понятийной соотнесенности. Большинство межъязыковых паронимов – слова полисемантические. Наличие одного или нескольких общих значений сходных по звучанию слов двух языков приводит к механическому переносу и других значений слова родного языка на иностранное, у которого подобная семантика отсутствует. Так, например, носитель русского языка, изучающий немецкий, неправильно переносит на немецкое слово *Merkantilismus* значение русского слова *меркантилизм* «мелочная расчетливость, торгашество». Происходит это потому, что словам *меркантилизм* – *Merkantilismus* свойственно одно общее значение: «экономическое учение эпохи разложения феодализма и становления капитализма». В зависимости от степени различия смысловой структуры межъязыковые паронимы подразделяются на две группы: а) полные межъязыковые паронимы – это пары слов, полностью различающиеся по значению, например, *локатор* – *Lokator*, *транслятор* – *Translator*; б) неполные межъязыковые паронимы – это пары слов, характеризующиеся наличием как общих, так и различных элементов смысловой сферы, например, у слов *дезинфектор* – *Desinfektor* есть одно общее значение «специалист по дезинфекции». Кроме того, заимствование *Desinfektor* в немецком языке обладает значением «прибор для дезинфекции одежды и т. п.». Как видно из приведенных примеров, в немецком слове суффикс *-(a)tor* актуализируется и в значении «предмет», и в значении «лицо», в отличие от близкозвучного образования в русском языке, что приводит к несовпадению семантического объема рассматриваемых заимствований.

Что касается функциональных особенностей межъязыковых паронимов, то межъязыковая паронимия никогда не используется как

стилистическое средство и, как правило, приводит лишь к непониманию в пределах речевого общения. В этом отношении интересный пример представлен в кандидатской диссертации Р.Р. Юнусова. Сравнивая разновременные переводы романа Ю.И. Крашевского «Брюль», он приводит такой пример: «перечисляя многочисленные функции, которые выполнял Брюль в государстве, Ю.И. Крашевский называет среди прочих его должность *prezydent izb*. Данному словосочетанию в переводах предлагаются разные соответствия: *председатель сейма* (1915), *президент* (1980). Оба варианта перевода являются недостаточно точными. Первый переводчик ошибочно полагал, что речь идет о польском парламенте (сейме), поскольку в польском языке палата парламента обозначается с помощью лексемы *izba*, которая, являясь паронимом по отношению к русскому слову *изба*, имеет совершенно иное значение. Второй переводчик избежал перевода слова *izba* и предложил дословное соответствие *президент*, что, однако, также не является точным переводом названия данной должности героя, поскольку речь идет о том, что Брюль возглавлял торговую и горнопромышленную палаты, о чем свидетельствует Польский биографический словарь» [14].

В русском и немецком языках существует большое количество слов на *-uct*/*-ist*. Суффикс *-uct* в русском языке, как известно, оформляет заимствованные слова с общими словообразовательными значениями: «сторонник, приверженец чего-либо» (научного направления, общественно-политического движения, течения и т. д.), «лицо по отношению к объекту занятий, склонности, профессии» и т. д. [9]. В немецком языке суффикс *-ist* оформляет аналогичные образования [10].

Суффикс *-изм* / *-ismus*, как правило, осложняет заимствованные основы с общими отвлеченными значениями: *милитаризм* – *Militarismus*, *национализм* – *Nationalismus* и т. п.

Образования на *-uct* / *-ist* в русском и немецком языках конца XX столетия еще теснее сближаются с однокорневыми именами на *-изм* / *-ismus*, которые в обоих языках являются названиями общественно-политических, научных направлений, религиозных объединений и т. д. при мотивации как нарицательными, так

и собственными именами: *анархизм* – *Anarchismus*, *троцкизм* – *Trotzkismus* и т. д. Близость однокорневых форм на *-ист* / *-ist*, *-изм* / *-ismus* проявляется в том, что они вступают в регулярные отношения взаимной мотивации, при которой значения одного слова определяются путем ссылки на семантику другого слова (даже в случае явной производности каждого из них). Образования на *-ист* / *-ist* называют в обоих языках того, кто имеет отношение к явлению, течению, организации и т. д., названному одноосновным словом на *-изм* / *-ismus*, например: *акмеизм* – *Akmeismus*, *акмеист* – *Akmeist*: *акмеист* – *Akmeist* «последователь акмеизма»; *акмеизм* – *Akmeismus* «в русской литературе XX века: течение, провозгласившее освобождение от символизма, требовавшее возвратить художественному слову первоначальный, не символический смысл». Приведенная модель начинает складываться в обоих языках еще в XIX веке и продолжает активно развиваться в исследуемый период, хотя данные пары лексических единиц в обоих языках имеют альтернативу, а именно: в русском языке *-изм* / *-ик*, в немецком языке – это парные образования на *-ismus* / *-er*, **ср.:** *алкоголизм* – *алкоголик*, *Alkoholismus* – *Alkoholiker* и др.

В русском и немецком языках формируются четкие словообразовательные ряды, где существительное на *-ист* / *-ist* называет лицо по отношению к тому направлению, течению и т. д. общественно-политической, научной или религиозной сфер, которое обозначено однокорневым образованием на *-изм* / *-ismus*. Подобные словообразовательные пары в русском и немецком языках ограничены определенным кругом заимствованных слов, называющих вышеуказанные явления общественной жизни, и представляют собой своеобразные «связанные основы», поскольку в чистом виде производящей основы для них, как правило, не существует и они ограничиваются в словообразовательном плане отношениями взаимной мотивации. «Специалисты по русскому словообразованию называют эти отношения по-разному. Одни видят здесь усечение аффиксов, другие называют это заменительной деривацией, и, наконец, третьи считают, что это образование по модели равноправных, равнопроизводных,

причем присоединение и усечение морфем происходит на одном и том же такте» [5].

Слова на *-изм* / *-ismus*, входящие в рассматриваемые парные образования, могут быть как производными: *автомобилизм* – *Automobilismus*, *дарвинизм* – *Darwinismus*, так и непроизводными: *акмеизм* – *Akmeismus*, *альтруизм* – *Altruismus* и т. д.

Однако даже в случае явной производности формы на *-изм* / *-ismus*, *-ист* / *-ist* начинают мотивировать друг друга, утрачивая семантические связи со своими первоначальными основами (хотя формально она присутствует в их структуре). Например, *дарвинизм* – *Darwinismus* «учение о происхождении и развитии видов животных и растений путем естественного отбора, о законах развития живой природы», *дарвинист* – *Darwinist* «последователь дарвинизма» (соотнесенность с именем собственным *Дарвин* – *Darwin* уже утрачена, так как речь идет не о последователях Дарвина, а о сторонниках его учения); *анархизм* – *Anarchismus* «общественно-политическое течение, проповедующее анархию, отрицающее всякую государственную власть, организованную политическую борьбу»; *анархист* – *Anarchist* «сторонник анархизма, член анархической организации; некто, кто отрицает любое государственное учреждение и государственный строй» (соотнесенности со словом *анархия* – *Anarchie* уже нет), но **ср.:** *альтруизм* – *Altruismus* «готовность бескорыстно действовать на пользу другим, не считаясь со своими личными интересами», *альтруист* – *Altruist* «человек, отличающийся альтруизмом» и др., где можно говорить только о взаимной связи между формами на *-ист*, *-изм*, поскольку они непроизводны с точки зрения словообразовательных отношений и выступают только в соединении с аффиксами *-изм* / *-ismus* и *-ист* / *-ist*.

Зависимость морфемного оформления от лексического содержания производящих основ можно обнаружить в пределах существительных русского и немецкого языков, относящихся к классу заимствованной лексики, оформленных суффиксами *-изм* / *-ист* и *-ismus* / *-ist* и как обладающих живой соотнесенностью, так и утративших ее в силу разнообразных словообразовательных про-

цессов. При этом не имеет значения, заимствовано ли слово с финалью *-ист / -ист* или *-изм / -ismus* (например, *синхронизм* из греческого *synchronismos*, *волюнтаризм* из немецкого *Voluntarismus*, *баптист* из английского *baptist* и т. д.) или осложнено этими суффиксами, присоединившимися к иноязычной основе. Например, *нацист* «исконное суффиксальное производное 30-х годов XX века. Образовано с помощью суффикса *-ист* от *наци* немецкое *Nazi*»; *нигилист* – «исконное суффиксальное производное от латинского *nihil* «ничто» [13].

При парах на *-изм / -ист* в русском языке возможны формы прилагательных на *-ический*, *-ичный*, *-истический*. Это взаимодействие при некоторых образованиях на *-изм / -ист* может быть представлено в виде полного параллелизма производных адъективов типа *оппортунистский* – *оппортунистический* – *оппортунистичный*, которые указаны как относящиеся к паре: *оппортунизм* «приспособленчество, беспринципность» и *оппортунист* «сторонник *оппортунизма*» без всякой семантической дифференциации.

При таком многообразии возникает вопрос, какое из прилагательных окажется наиболее востребованным в языке в отношении пары на *-изм / -ист*. Приведенные прилагательные являются отголоском старых отношений в пределах интересующих нас адъективных образований. Этот параллелизм постепенно распадается по направлению к современности, и образования на *-истский* выполняют основную словообразовательную функцию по закреплению параллелизма форм на *-ист / -изм*, формы же на *-истический* могут быть мотивированы другими однокорневыми существительными (если они функционируют в языке). Например, *монархистский* – прилагательное к *монархизм* и *монархист*, *монархический* – к *монархия*; *анархистский* – прилагательное к *анархизм* и *анархист*, *анархический* – прилагательное к *анархия* и т. д. Формы на *-ичный* в ряде случаев устаревают: *материалистичный* «устар. то же, что и *материалистический*» [7]. Наблюдаются случаи, когда прилагательное на *-ичный* в том значении, в котором мотивируется существительным на *-изм*, полностью

уходит из языка. Так, согласно данным словаря Д.Н. Ушакова, *меркантилизм* – это «1. Экономическая теория и система экономической политики, применявшаяся в Европе в XVII – XVIII веках, исходившая из принципа, что деньги являются основой общественного богатства, и направленная на сосредоточение денежных капиталов внутри страны, преимущественно путем создания активного баланса во внешней торговле. 2. *перен.* Мелочная расчетливость». Прилагательное *меркантилистический* относится к *меркантилизм* в первом значении, *меркантильный* как «мелочно-расчетливый» – к *меркантилизм* во втором значении [11]. В словарях конца XX века [7] у прилагательного *меркантильный* указывается только одно значение «излишне расчетливый, торгашеский».

Кроме того, следует отметить, что с точки зрения словообразования суффикс *-ический* является более сложным по своей структуре в отличие от суффикса *-ский* в силу происхождения. «Путем переразложения основы, в результате агрегации двух суффиксов, разных как по происхождению, так и по своей роли в процессе усвоения соответствующего слова русским языком, возникла морфема *-ический*, представляющая сейчас хотя непродуктивную, но регулярную словообразовательную единицу.

В ней слились иноязычный суффикс *-ик*, восходящий к французскому *-ique* < греческому *-ixos* или непосредственно к греческому *-ixos* (**ср.** прилагательные *аскетический*, *аллегорический* и др.), содержащийся в заимствованном слове, и суффикс *-еск*, с помощью которого заимствуемое прилагательное словообразовательно переоформлялось в русской речи и включалось тем самым в лексико-грамматический разряд.

Процесс переразложения, **ср.:** фр. *astronomique* > *астро-политич – еский* > *астрономи – ческий*, привел к возникновению в русском языке новой, уже исконно русской морфемы, получившей позднее также и определенные словообразовательные способности, **ср.:** собственно русские прилагательные *авантюристический*, *нигилистический*, *империалистический*, *формалистический* и т. д.» [12].

Таким образом, суффикс *-ический* является более сложным и достаточно пространственным по сравнению с суффиксом *-ский*.

Как известно, чем шире и отвлеченнее значение словообразовательной морфемы, тем шире ее связи с основанием, тем значительнее ее роль в языке. Чем уже значение морфемы, тем ограниченнее ее связи со словами, тем меньше возможности для образования новых слов она имеет [6]. Именно этим в значительной мере объясняется тот факт, что с помощью суффиксов *-и-*, *-ов-*, *-ск-* в русском языке образовано по несколько тысяч отсубстантивных прилагательных, в то время как количество производных прилагательных, образованных от субстантивных основ посредством суффиксов *-ав-*, *-ат-*, *-аст-*, *-ив-*, *-ик-*, *-овит-*, *-к-*, *-л-*, исчисляется десятками или даже единицами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что суффикс *-ский* в русском языке выполняет основную словообразовательную функцию по закреплению параллелизма форм на *-изм* *-ист*.

В немецком языке однокорневым образованиям на *-ismus* / *-ist* соответствует прилагательное с суффиксом *-isch*, например, *Automobilismus* / *Automobilist* – *automobilistisch*; *Kalvinismus* / *Kalvinist* – *kalvinistisch*.

Адъективный суффикс *-isch* является исконным немецким суффиксом (двн. *-isc*), присоединяется к заимствованным и реже к немецким основам (иногда вызывает умлаут корневого гласного), часто соответствуют в русском языке суффиксу *-ск(ий)* [10].

Суффикс *-isch* является весьма частотным в немецком языке. Появившись в древневерхненемецком как формант, служащий для образования имен прилагательных от субстантивных основ и обозначающий принадлежность или происхождение (*irdisch*, *himmlisch*), с течением времени изменил свою семантику, и у суффикса *-isch* появляется значение отнесенности к религиозным, философским и общественно-политическим течениям: *katholisch*, *idealistisch*, *protestantisch*, *materialistisch*, *marxistisch*.

Русско-немецкие паронимы представляют интерес не только в словообразовательном, но и культурно-историческом аспекте. И в рус-

ском, и в немецком языках необычайно распространились слова на *-изм* / *-ismus*, которые являются названиями общественно-политических, научных направлений, религиозных объединений и т. д., например, *протекционизм* – *Protektionismus*, *лоббизм* – *Lobbismus* и т. д. Особенность существительных на *-изм*, образованных на русской почве в конце XX века, заключается в том, что они называют идеологические течения, воззрения и т. п., содержание которых связано со своеобразием политики, проводимой известными общественно-политическими деятелями и руководителями, и мотивируются именами собственными, например, *ельцинизм* «экономическая, социальная и культурная политика, проводимая президентом России Б.Н. Ельциным», *брежневизм* «своеобразие правления Л.И. Брежнева, характеризующееся застоєм в политической, экономической и культурной жизни общества, связанное с пребыванием Л.И. Брежнева на высших государственных постах» [1].

Подобной закономерности не наблюдается в немецком языке конца XX века. В Тюбингском университете в настоящее время ведется работа над лексикографическим проектом «*Neue Wörter*» в рамках «*Seminar für Sprachwissenschaft / Computerlinguistik*». Цель данного проекта – отразить новообразования в немецком языке и дать количественную оценку частотности их употребления. Согласно данным указанного лексикографического проекта, в последнее десятилетие в немецком языке появилось образование *Schröderismus* и к концу 2005 года оно было использовано 102 раза. Однако слово *Schröderismus* используется не в значении «идеологическое течение, воззрение и т. д., содержание которого связано со своеобразием политики, проводимой видным политическим деятелем (Г. Шрёдером)», что свойственно русским словам с аналогичной словообразовательной структурой, а обозначает высказывание, мысль, устойчивое выражение, принадлежащее Г. Шрёдеру, поэтому и используется преимущественно во множественном числе, например, «*Er selbst hat seine Arbeit ja im Wesentlichen gemacht und muss jetzt nur noch „Kurs halten“.* Das Problem: *Kurs zu halten und seiner tiefen inneren Überzeugung zu folgen ist ziemlich langweilig... Deshalb hoffte man*

insgeheim auf ein paar *Schröderismen* wie in guten alten Tagen» // Поэтому втайне надеялись на пару шрёдеризмов, как в старые добрые времена или Поэтому втайне надеялись услышать от Шрёдера пару интересных высказываний (идей, мыслей, замечаний), как в старые добрые времена» [17]. Данное образование не является случайным для немецкого языка, оно формируется по аналогии, **ср.:** *Marxismus* (множественное число *Marxismen*) «языковой или стилистический элемент из марксистского жаргона, используемый в разговорной речи или письменных текстах» [15].

Итак, в немецком языке есть образование *Hitlerismus*, но словарями немецкого языка не фиксируются лексемы типа *Kohlismus*, *Schröderismus*, то есть слова, образованные от имен собственных, фамилий видных политических деятелей Германии конца XX – начала XXI века (Г. Коля, Г. Шрёдера) и обозначающие идеологические течения, воззрения и т. д., содержание которых связано со своеобразием политики, проводимой известными общественно-политическими деятелями и руководителями. Хотя в языковой потенции возможны не только указанные образования на *-ismus*,

но и двоичные группировки, аналогичные русским парам, **ср.:** *Kohl – Kohlismus – Kohlist*, *Schröder – Schröderismus – Schröderist*. Следовательно, можно предположить, что препятствием для образования данных лексем в языке явились экстралингвистические факторы. Для немецкой истории, немецкого общества и менталитета конца XX – начала XXI века не характерно такое явление, как «культ личности», когда политическая, экономическая и культурная жизнь страны целиком и полностью определяется одним человеком. Как правило, судьба страны находится в руках группы людей, а именно правящей партии, которая, придя к власти, и определяет стратегию дальнейшего развития государства. Российское национальное самосознание связано со своеобразным стремлением к созданию «культа личности», что находит свое выражение и в языке, например в порождении определенных словообразовательных моделей, по которым создаются указанные лексемы.

Таким образом, парные образования на *-изм / -ismus*, *-ист / -ist* представляют интерес не только в словообразовательном отношении, но и на уровне языковой картины мира.

Список использованной литературы:

1. Балалыкина Э. А. Взаимодействие лексических и грамматических процессов в современном русском словообразовании / Э. А. Балалыкина // Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской конференции 26-27 октября 2000 г. В 3-х т. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – Т. 1 – С. 42–43.
2. Бельчиков Ю. А. Словарь паронимов современного русского языка / Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2002. – С. 3–4.
3. Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка // Под. Ред. Д. Э. Розенталя. – 2-е изд., перераб. и доп. / О. В. Вишнякова. – М.: Рус. яз., 1987. – С. 5.
4. Готлиб К. Г. М. Немецко-русский и русско-немецкий словарь «ложных друзей переводчика» / Сост. К. Г. М. Готлиб. – М.: Сов. Энциклопедия, 1972. – С. 437.
5. Земская Е. А. О явлениях морфемного шва в русском словообразовании / Е. А. Земская // Исследования по славянской филологии. – М., «Просвещение», 1974. – С. 101–102.
6. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / В. Н. Немченко. – М.: Высш. шк., 1984 – С. 73.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ технологии», 2003, – 944 с.
8. Реформатский А. А. Лингвистические вопросы перевода / А. А. Реформатский // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 6. – С. 13.
9. Русская грамматика – М., 1982, Т. 1 – С. 189, 193 и др.
10. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А. Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р. З. Мурясов и др.; Под ред. М. Д. Степановой. – М.: Рус. яз., 1979. – С. 252–254, 248–249.
11. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка: Ок. 60000 слов / Под. ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель», 2004, – 1268 с.
12. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М.: Изд-во Московского университета, – 1968. – С. 217.
13. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва – М.: Прозепина, 1994. – С. 199, 202.
14. Юнусов Р. Р. Социально-должностная лексика в русских переводах романа Ю. И. Крашевского «Брюль». Автореф. дис. ... канд. фил. наук / Р. Р. Юнусов; Казан. гос. ун-т – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004. – С. 9.
15. Duden Das große Fremdwörterbuch (Herkunft und Bedeutung der Fremdwörter), 3., überarbeitete Auflage // Herausgegeben und bearbeitet vom wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2003. – 1542 S.
16. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache / T. Schippan –Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. – 306 S.
17. Seminar für Sprachwissenschaft der Universität Tübingen [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sfs.uni-tuebingen.de/>, свободный